

политика

С.А.Горохов, Р.В.Дмитриев, М.М.Агафошин
РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО:
ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ
НА РЫНКЕ РЕЛИГИЙ¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00054-П (<https://rscf.ru/project/19-18-00054/>).

Станислав Анатольевич Горохов — доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: stgorohov@yandex.ru.

Руслан Васильевич Дмитриев — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: dmitrievrv@yandex.ru.

Максим Михайлович Агафошин — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: agafoshinmm@gmail.com.

Аннотация. В статье представлен опыт использования маркетинговой парадигмы при анализе государственно-конфессиональных отношений. Рассматривая такие отношения сквозь призму рыночных структур, авторы выделяют три основных их типа: религиозную монополию, религиозную олигополию и религиозную монополистическую конкуренцию. *Религиозная монополия* предполагает господство одной религии, которая пользуется полной поддержкой государства, защищающего ее от конкуренции со стороны других религий. В современном мире религиозная монополия существует в двух формах — закрытой и открытой, различия между которыми заключаются в степени монополизации рынка одной из конфессий. По заключению авторов, навязываемая сверху (государством) религиозная монополия в конечном счете имеет секулярный эффект, снижая уровень участия населения в религиозной деятельности и ослабляя тем самым религию-монополиста, что, в свою очередь, может привести к прекращению поддержки ее государством. При *религиозной олигополии* на рынке конкурируют несколько доминирующих религий или их направлений, которые в равной мере поддерживаются государством и имеют одинаковый статус; появление новых затруднено (открытая олигополия) или даже серьезно ограничено (закрытая олигополия). *Религиозная монополистическая конкуренция* характеризуется включением в процесс конкуренции не только религий и их направлений, но и религиозных течений. Каждый из этих «игроков» производит свой уникальный религиозный продукт и имеет относительно свободный доступ на рынок религий, который фактически не ограничивается

государством. Предложенная типология носит исторический характер, что позволяет прогнозировать динамику государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: рынок религий, государственно-конфессиональные отношения, религиозная монополия, религиозная олигополия, религиозная монополистическая конкуренция

Кризисные тенденции в функционировании государств, обусловленные переходом части их суверенных прав к транснациональным институтам, стимулируют национальные элиты к обращению к религии в поиске источников своей легитимности. В связи с этим, по справедливому замечанию Марии Мчедловой, в современном мире отчетливо прослеживаются «тенденции политизации религии и конфессионализации политики»². В свою очередь религии часто ищут помощи у государства, добиваясь комфортных условий функционирования на конкретной территории. Государство может оказывать важное, иногда определяющее влияние на конфессиональную сферу, формируя законодательную базу, регулирующую деятельность религиозных организаций (в том числе иностранных³), и определяя характер отношений между религиями.

Изучению взаимодействия между государством и религиозными организациями посвящено немало работ, в которых, в частности, фиксируются различные типы государственно-конфессиональных отношений (ГКО). При их выделении используется широкий круг критериев. Так, Вернон ван Дайк, Людмила Морозова и Игорь Понкин делают акцент на правовом статусе религии в государстве⁴; Александр Щипков и Андрей Григоренко заостряют внимание на политическом режиме в стране, где действует религиозная организация⁵; Пол Мойзес, Коул Дюрэм и Александра Дорская ставят во главу угла уровень религиозной свободы и реализации принципа свободы совести⁶; Сильвио Феррари — степень независимости религиозных организаций от государства⁷. Общий анализ типов ГКО представлен в работе Михаила Шахова и Ольги Шутовой⁸.

При всем обилии интерпретаций нельзя не заметить, что в своих типологиях ГКО большинство исследователей концентрирует внимание на роли государства. Не отвергая подобный подход, в настоящей статье мы хотели бы сфокусироваться на моделях конкурентного взаимодействия между религиями в различных странах. Этот угол зрения становится все более актуальным в связи с широким распространением в мире свободы вероисповедания, что ведет к увеличению масштабов религиозной конверсии, то есть изменения конфессиональной идентификации в результате перехода в другую религию⁹. Одним из следствий данного тренда является усиление конкуренции между религиями за паству¹⁰.

² Мчедлова 2012: 134.

³ Горохов и Дмитриев 2019.

⁴ Van Dyke 1985; Морозова 1995; Понкин 2003.

⁵ Щипков 1998; Григоренко 2000.

⁶ Mojzes 1996: 266—269; Durham 1996; Дорская 2011.

⁷ Феррари 1999.

⁸ Шахов и Шутова 2003.

⁹ В качестве варианта религиозной конверсии может рассматриваться и отказ от конфессиональной идентификации в пользу нерелигиозности.

¹⁰ Gorokhov 2019.

¹¹ См. Каснэ 2018.

¹² Stark and Finke 2000.

¹³ Ibid.: 103.

¹⁴ Finke and Stark 2003: 100.

Ключевое понятие, описывающее конкурентные отношения в конфессиональной сфере¹¹, — *рынок религий*¹². Приверженцы маркетинговой парадигмы в религиоведении определяют религиозные организации как «общественные предприятия, чья первичная цель — создавать, поддерживать и предлагать религию определенному кругу индивидов»¹³. Рынок религий есть «особая подсистема, которая включает все виды религиозной активности во всех обществах, в том числе рынок существующих и потенциальных адептов религии, набор организаций, стремящихся привлечь или сохранить сторонников, а также предлагаемую ими религиозную культуру»¹⁴.

Необходимое условие функционирования рынка религий — религиозный плюрализм, открывающий дорогу конкуренции между конфессиями за приверженцев. Регулирование рынка со стороны государства ограничивает эту конкуренцию, влияя как на мотивы и возможности производителей (религиозных организаций), так и на выбор потребителей (адептов религий). В случае успеха в конкурентной борьбе той или иной религии число ее адептов возрастает, что, в свою очередь, повышает ее авторитет в обществе.

Но если отношения между различными религиями можно представить в виде рыночных (характер которых зависит от законов, действующих в соответствующей стране), то и ГКО можно определить через типы рыночных структур. Применительно к отношениям религии и государства, на наш взгляд, правомерно вести речь о трех таких типах: *монополии, олигополии и монополистической конкуренции*.

Религиозная монополия предполагает господство в стране одной конфессии, пользующейся полной поддержкой государства, которое фактически защищает ее от любой конкуренции со стороны других конфессий. Распространение религии-монополиста часто бывает принудительным, при этом политическое принуждение (через завоевание, изгнание инакомыслящих и т.д.) может сочетаться с экономическим. По этому сценарию происходило, например, распространение ислама в VI—X вв. на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также католицизма в Латинской Америке в XVI в. В условиях религиозной монополии религиозный выбор крайне ограничен, и в большинстве случаев религиозная конверсия возможна лишь в пользу религии-монополиста.

Религиозная монополия может опираться не только на государство, но и на самих потребителей религиозных услуг. Чаще всего так происходит в традиционных аграрных обществах, где религиозная монополия нередко носит *естественный характер*, то есть конкуренция между религиями отсутствует в силу логики исторического развития. Именно такую ситуацию мы видим, например, в индуистской Древней Индии, католической средневековой Европе, мусульманском Арабском халифате.

Традиционное аграрное общество нельзя назвать «обществом веры». Это скорее сакрализованное общество, все сферы жизни кото-

рого формально пронизывает религия, при этом религиозность отдельных индивидов, если она не вступает в противоречие с официальными установками, не играет значимой роли. Тем не менее даже в подобных обществах очень редко речь идет о «присутствии» лишь одной конфессии, то есть о *чистой религиозной монополии*. Так, в эпоху Средневековья в мусульманских странах имелись зимии (христиане, иудаисты, зороастрийцы), а в католической Европе — иудаисты, которым позволялось исповедовать свою религию.

В современном мире религиозная монополия представлена в двух формах — *закрытой и открытой*, — которые отличаются друг от друга степенью монополизации рынка одной из конфессий и высотой барьеров для выхода на него других. Согласно данным Pew Research Center, сегодня в 43 странах мира официальные власти поддерживают ту или иную конфессию, предоставляя ей особые права и ограничивая конкуренцию на рынке религий¹⁵.

¹⁵ Mitchell 2017.

Закрытая религиозная монополия, существовавшая еще до формирования рынка религий, сохранилась в настоящее время в Ватикане, а также в ряде мусульманских стран. Большинство таких стран расположено в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но они встречаются также в Юго-Восточной (Бруней) и Южной (Бангладеш, Пакистан, Мальдивские Острова) Азии. Ватикан представляет собой особый случай, требующий отдельного рассмотрения, поэтому при выделении отличительных черт закрытой религиозной монополии имеет смысл ориентироваться на мусульманские страны, где подобная форма ГКО предполагает: (1) ограничения на миссионерскую и культовую деятельность других религий и занятие государственных постов адептами таковых; (2) запрет на религиозную конверсию; (3) официальный статус шариатской правовой системы. Наиболее жесткие условия для немусульманских религиозных общин — в странах Аравийского полуострова, а также в Судане, Иране, Пакистане и Мальдивской республике. В некоторых из этих стран (Саудовская Аравия, Мальдивская республика) даже гражданство предоставляется лишь мусульманам.

Открытая религиозная монополия встречается во многих странах. Этот тип отношений характеризуется сохранением за традиционными конфессиями определенных привилегий благодаря статусу государственной религии. И хотя этот статус полностью не защищает такие конфессии от конкуренции с другими религиями, и в христианских (Греция, Дания, Мальта, Замбия, Аргентина), и в буддийских (Бутан, Камбоджа, Мьянма, Лаос), и в мусульманских (Турция, Малайзия) странах с открытой религиозной монополией, равно как и в преимущественно иудаистском Израиле, они обладают ощутимыми преимуществами в юридическом и/или налоговом плане, а также с точки зрения владения недвижимостью и другим имуществом и доступа к финансовой поддержке со стороны государства.

До недавнего времени статус государственной религии был закреплен за различными направлениями христианства в Австрии, Финлян-

дии, Германии, Швеции, Исландии, Норвегии, Испании, Италии, Португалии и ряде других стран. Несмотря на отказ от подобной практики, в этих странах сохранились некоторые формы государственной поддержки религии, что позволяет квалифицировать их религиозные рынки как открытую религиозную монополию. Открытая религиозная монополия возможна на уровне не только страны в целом, но и отдельных ее регионов. Так, христианство (католицизм или протестантизм) признано государственной религией в большинстве кантонов и полукантонов Швейцарии; в рамках Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии англиканство является государственной религией Англии; в 1999 г. ислам стал государственной религией в 12 северных штатах Нигерии.

Религиозная монополия (прежде всего закрытого типа) эффективно поддерживает доминирование одной конфессии в том случае, когда само общество сакрализовано, основано на традиционных ценностях. Особенно это касается патриархальных аграрных обществ. К тому же в подобных обществах религия-монополист зачастую вовлечена в имеющие место внутри них политические и социальные конфликты, а также в противостояние самих этих обществ глобальной действительности (вестернизированному глобальному модерну), что позволяет выражать через нее светские и секулярные интересы. Такая ситуация сложилась в Арабском мире, население которого ищет ответ на свои социальные и политические ожидания именно в исламе¹⁶.

¹⁶ См. Крылов 2013.

Однако если в обществе разворачиваются процессы социально-экономической и политической модернизации, религиозная монополия не в состоянии успешно противостоять секуляризации и нарастанию межрелигиозной конкуренции, поскольку, как отмечает Лоуренс Ианнаконе, «спонсируемая государством религиозная монополия обеспечивает только внешнее благочестие, за которым скрывается неэффективное духовенство и апатичное население»¹⁷.

¹⁷ Iannaccone 1997: 40.

Навязываемая сверху (государством) и не опирающаяся на поддержку снизу (со стороны верующих) религиозная монополия в конечном счете имеет *секулярный эффект*, снижая уровень участия населения в религиозной деятельности и ослабляя тем самым религиозно-монополиста, что, в свою очередь, может отразиться на отношении к ней государства. Именно низкая эффективность данной модели ГКО и появление «ленивых монополий»¹⁸, не обладающих достаточным авторитетом, чтобы обеспечить себе доминирующее положение в обществе и справиться с секулярным вызовом, привели к массовому отказу государств от религиозной монополии в XX в.

¹⁸ Hirschman 1970.

Религиозная олигополия подразумевает наличие в обществе нескольких доминирующих конфессий, которые в равной мере поддерживаются государством и имеют одинаковый статус; появление новых затруднено (*открытая олигополия* — Россия, Болгария и др.) или даже серьезно ограничено (*закрытая олигополия* — Индия, Индонезия

и др.). Примером религиозной олигополии, точнее, одного из ее вариантов — *дуополии*, можно считать ситуацию, сложившуюся в Священной Римской империи германской нации после заключения Аугсбургского религиозного мира в 1555 г. Однако сама Империя, как и важнейшая ее часть — Германия, состояла из фактически независимых государств, в каждом из которых сохранялась закрытая религиозная монополия на основе принципа *cujus regio, ejus religio* (чья земля, того и вера).

В разные исторические периоды религиозная олигополия была характерна также для многих индийских государств, где одинаковыми правами и поддержкой со стороны правителей пользовались индуизм, буддизм, джайнизм, сикхизм. Аналогичным образом обстояло дело в большинстве стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония, Вьетнам), в которых на равных условиях сосуществовали конфуцианство, буддизм и различные местные религиозные традиции (даосизм, синтоизм, шаманизм). Именно многовековое господство религиозной олигополии привело к формированию там уникальной системы поликонфессионализма.

В первой половине прошлого века по модели олигополии строились отношения и на рынке религий большей части колониальных владений европейских стран в Африке, Азии и Океании: продвигая прежде всего христианство, колониальные власти зачастую покровительствовали и традиционным религиям (исламу, буддизму, индуизму и др.), которые исповедовала местная политическая элита¹⁹.

¹⁹ Захаров 2019.

В странах, где в настоящее время действует данная модель, при наличии конкуренции между конфессиями за верующих некоторые религии или их направления обладают заметными преимуществами. Государство, на территории которого формируются отношения олигополистического типа, обычно поддерживает те религии, которые более тесно связаны с ним исторически.

Раскрывая суть религиозной олигополии, Дэниэл Олсон подчеркивает, что в рамках такой организации ГКО «правительства считают целесообразным поддерживать традиционные религии и регулировать все остальные»²⁰. Так, в преамбуле Федерального закона РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» указывается на особое место православия в истории России и отмечается роль ислама, буддизма, иудаизма в становлении и развитии ее духовности и культуры²¹.

²⁰ Olson 2002: 155.

²¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218.

В Индии, Китае и некоторых других странах законодательно установлены серьезные ограничения на деятельность религиозных организаций, имеющих иностранное происхождение. С 1995 г. политика Китая в области религии определяется как *управление для сдерживания*. Наряду с легальным рынком религий, охватывающим официально зарегистрированные христианские, буддийские, даосские и конфуцианские организации, руководящие органы которых находятся в КНР (что позволяет властям их контролировать), в стране функционирует значительный по масштабам «серый» рынок — нелегальные религиозные

²² Горохов 2014. общины, подвергающиеся гонениям со стороны государства²². Следует отметить, что высокий уровень контроля над рынком религий может объясняться не только желанием создать привилегированные условия для традиционных конфессий, но и курсом на подавление деятельности религиозных организаций *per se* с целью продвижения светских идеологий атеистического и националистического толка. На сегодняшний день так обстоит дело примерно в 10 странах мира. К их числу относится тот же Китай, а также многие государства Центральной Азии, Вьетнам и КНДР²³.

²³ Mitchell 2017.

В рамках сложившегося в современной Индии олигополистического рынка религий привилегированное положение занимают так называемые индийские религии, прежде всего индуизм, а также сикхизм, джайнизм и буддизм; ислам и христианство хотя и имеют официальный статус, ущемлены в правах. По сравнению с периодом британского владычества возможности свободной конкуренции между религиями сократились. Так, в 1978 г. в парламент Индии был внесен законопроект «О свободе религии», запрещавший обращение индуистов в христианство и ислам. На общеиндийском уровне закон не прошел, однако в дальнейшем он был принят в некоторых штатах — Мадхья-Прадеше, Чхаттисгархе, Одише, Раджастхане, Тамилнаде и ряде других. Будучи направлен в первую очередь против христианских и мусульманских миссионеров, закон этот носит дискриминационный характер. То же можно сказать о внесенных в 2019 г. поправках в закон о гражданстве, фактически исключающих получение гражданства страны мусульманами²⁴.

²⁴ <https://www.deiverbo.com/posle-prinyatiya-novogo-zakona-hristianam-v-indii-stanet-procshe-poluchat-grazhdanstvo>.

Религиозная монополистическая конкуренция характеризуется включением в процесс конкуренции не только религий и их направлений, но и религиозных течений. Подобно тому, как в экономике монополистическая конкуренция предполагает ситуацию, при которой «существует большое количество конкурирующих производителей в отрасли, каждый производитель продает дифференцированный продукт, а также имеет свободный вход в отрасль и выход из нее в долгосрочном периоде»²⁵, в случае такой организации рынка религий доступ на него оказывается открыт для всех «игроков», а сам рынок, по сути, не ограничивается государством. Каждая религия, направление, течение стремится занять собственную нишу, производя свой уникальный религиозный продукт. Этот тип отношений сопряжен с высоким уровнем дифференциации, и вследствие значительной конкуренции ни одна из конфессий не может занять доминирующее положение.

²⁵ Кругман, Веллс и Олни 2012: 862.

Наличие большого числа конкурирующих между собой «игроков» приводит не только к увеличению религиозной мозаичности населения, но и к общему повышению его религиозности²⁶. И здесь нельзя не согласиться с Ианнаконе, который отмечает, что «конкуренция стимулирует религиозные рынки так же, как она делает это на светских рынках, заставляя поставщиков предлагать широкий диапазон альтернативных

²⁶ В настоящей работе религиозность понимается как самоидентификация человека с какой-то религиозной традицией.

²⁷ Iannaccone 1997: 40.

конфессий, хорошо приспособленных к конкретным нуждам потребителей, что более эффективно»²⁷.

²⁸ Bellah 1967.

Отношения этого типа нельзя считать *совершенной конкуренцией* по нескольким причинам. Во-первых, все религии мира в определенном смысле — монополисты, поскольку каждая из них производит уникальный духовный продукт, то есть отличается присущим только ей сочетанием сакральных принципов и культовой практики; поэтому невозможно говорить о полной идентичности всех религий. Во-вторых, даже если в конституции страны декларируются равенство всех религий и свобода миссионерской деятельности, обычно некоторые конфессии все же пользуются большей поддержкой со стороны государства, нежели другие. Любое государство заинтересовано в пополнении ресурсов наиболее крупных и исторически связанных с населением религий, так как само активно использует их для своей легитимации, к тому же религия поощряет социально ориентированное поведение граждан, способствует их патриотическому сплочению, что также чрезвычайно важно для государства. В результате патриотизм может даже трансформироваться в то, что Роберт Белла называет гражданской религией²⁸. В наиболее законченном виде эта тенденция оказалась реализована в Соединенных Штатах, где модель религиозной монополистической конкуренции стала складываться еще в конце XVIII в., после вступления в силу в 1791 г. Билля о правах. В США гражданская религия, базирующаяся на ценностях протестантизма, служит основой национальной идентичности, обеспечивая высокий уровень религиозности в американском обществе и превращая американцев, по выражению Сэмюэла Хантингтона, «из религиозного народа со множеством вероисповеданий в народ „с церковной душой“»²⁹.

²⁹ Хантингтон 2008: 170.

В настоящее время религиозная монополистическая конкуренция характерна для большинства стран Европы, Тропической Африки и Латинской Америки. Необходимо, однако, отметить, что в развивающихся странах она часто бывает недостаточно зрелой: зафиксированное на уровне законодательства равенство всех религий на практике соблюдается лишь отчасти, сочетаясь с попытками регулирования рынка религий, порой не уступающего по жесткости присущему религиозной монополии. Такое положение дел во многом объясняется *синтетическим характером культуры* многих развивающихся стран, где официально декларируемые западные ценности соседствуют с автохтонными традициями на уровне общинного и индивидуального сознания.

Расширение круга стран, где доминирующей моделью отношений на рынке религий является монополистическая конкуренция, активно шло во второй половине XX в., однако уже к концу столетия отчетливо обозначилась обратная тенденция. Определенная идеологическая связь либерализации с вестернизацией, а также тот факт, что среди миссионеров в развивающихся странах преобладали выходцы из США и Европы, породили в некоторых из этих стран опасения за свою культурно-цивилизационную идентичность, подтолкнув их к усилению степени

монополизации конфессионального пространства. В результате в последней трети XX — начале XXI в. в целом ряде развивающихся стран законодательство в области религий было ужесточено.

* * *

Таким образом, если понимать исповедание определенной религии как универсальную человеческую потребность, обусловленную социальными функциями и ролью религии в обществе, то основное ее конкурентное преимущество в рамках строящихся на обмене отношений (рынка религий) — способность наиболее полно удовлетворять общественный спрос. Разумеется, государство не может оставить без внимания функционирование рынка религий и в зависимости от сложившейся в обществе ситуации и своих целей выбирает один из типов ГКО — религиозную монополию, религиозную олигополию или религиозную монополистическую конкуренцию. Эти типы отношений государства и религиозных организаций имеют давнюю историю, что позволяет прогнозировать их динамику. Общий тренд развития ГКО от закрытой религиозной монополии к религиозной монополистической конкуренции не снимает в полной мере вопрос о смене форм конкурентных отношений в процессе их эволюции. Религиозная конкуренция существует уже очень долго, и ее проявления не обязательно носят рыночный характер.

Самой ранней формой ГКО можно считать религиозный обмен, или *реципрокность*. Именно при такой модели, доминировавшей на начальных стадиях развития человечества, значимость религии полностью определялась ее способностью удовлетворять спрос на религиозный продукт (в виде мифа и ритуала), то есть, в конечном счете, объяснять существующее положение вещей, поддерживая стабильность в обществе. Складывавшаяся в итоге ситуация была близка к совершенной конкуренции, когда в религиозной сфере происходил свободный обмен ритуалами и мифами, воспринимавшимися и правителями, и отдельными верующими как схожие и потому взаимозаменяемые³⁰. Говоря о возможности реципрокности в современном мире, особенно в случае интенсификации процессов глобализации, нельзя не вспомнить замечание Томаса Лукмана о религии *a la carte*, которая будет формироваться путем подбора подходящих «высших смыслов» из различных религиозных традиций в соответствии с потребительскими предпочтениями в обществе³¹.

Следующая по времени появления форма ГКО — *редистрибуция* (перераспределение), при которой государство брало на себя функцию перераспределения религий в обществе, полностью исключая возможность проникновения в него «чужих» религий, то есть фактически формируя закрытую религиозную монополию, превалировавшую в мире в эпоху Средневековья. Как было показано выше, закрытая религиозная монополия существует и сегодня, и представляется вполне вероят-

³⁰ Так строилась, в частности, религиозная жизнь в эллинистическую эпоху.

³¹ Luckmann 1979.

³² Доля нерелигиозного населения в мире достигла максимума (22,4%) в 1975 г., после чего стала уменьшаться — до 17,6% в 1991 г.; 13,4% в 2001 г.; 12,1% в 2015 г. (см. Zurlo, Johnson, and Crossing 2021).

ным, что в случае политических и социальных потрясений ее популярность будет возрастать.

Тем не менее именно расширение пространственных рамок рынка религий — прежде всего его зрелых плюралистичных структур — привело к усилению роли религии в жизни общества, выразившемуся в том числе в глобальном росте уровня религиозности³², ведь, как справедливо замечают Роджер Финке и Родни Старк, «чем больше плюрализма, тем больше религиозная мобилизация населения»³³.

Библиография

³³ Finke and Stark 1988: 43.

Горохов С.А. (2014) «Христианство в современном Китае» // *Азия и Африка сегодня*, № 12 (689): 42—46.

Горохов С.А. и Р.В.Дмитриев. (2019) «Глобальная миссионерская деятельность христианских церквей в XX — начале XXI в.: пространственный аспект» // *Вестник Томского государственного университета*, № 446: 111—117.

Григоренко А.Ю. (2000) «Церковно-государственные отношения в современной России и проблема религиозной свободы и нетерпимости» // *Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. Материалы международной конференции (Москва, 23—24 марта 1999 г.)*. М.: Источник жизни: 94—101.

Дорская А.А. (2011) *Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений*. СПб.: Астерион.

Захаров И.А. (2019) «Роль христианских церквей в геэкономическом и геополитическом соперничестве европейских держав на Африканском континенте: XX—XXI вв.» // *Ученые записки Института Африки РАН*, № 4 (49): 82—92. URL: <http://africajournal.ru/wp-content/uploads/2019/12/Zakharov-Rol.pdf> (проверено 3.06.2022).

Каспэ С.И. (2018) «Чем торгует Левиафан? Критерии оценки конкурентоспособности государств на рынках спасения» // *Полития*, № 3 (90): 6—30. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-3\(90\)-6-30.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-3(90)-6-30.pdf) (проверено 3.06.2022).

Кругман П., Р.Веллс и М.Олни. (2012) *Основы экономикс*. СПб.: Питер.

Крылов А.В. (2013) «Роль религиозного фактора в „Арабской весне“» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 4 (31): 43—51.

Морозова Л.А. (1995) «Государство и церковь: особенности взаимоотношений» // *Государство и право*, № 3: 86—95.

Мчедлова М.М. (2012) «Религиозная и конфессиональная идентичность в контексте политических изменений современности» // Семенов И.С., ред. *Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. М.: РОССПЭН: 132—154.

Понкин И.В. (2003) *Правовые основы светскости государства и образования*. М.: Про-Пресс.

Феррари С. (1999) «Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель» // Трофимчук Н.А., ред. *Мировой опыт государственно-церковных отношений*. М.: РАГС: 110—130.

Хантингтон С. (2008) *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ.

Шахов М.О. и О.С.Шутова. (2003) «Государственно-конфессиональные отношения: анализ типологий и „силовая модель“» // *Полития*, № 3 (30): 158—178. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/2003-3-2-244-158-178.pdf> (проверено 3.06.2022).

Щипков А.В. (1998) *Во что верит Россия: Религиозные процессы в постперестроечной России. Курс лекций*. СПб.: РХГИ. URL: <http://www.religare.ru/download/rutrust.pdf> (проверено 3.06.2022).

Bellah R.N. (1967) «Civil Religion in America» // *Daedalus*, vol. 96, no. 1: 1—21.

Durham W.C., Jr. (1996) «Perspectives on Religious Liberty: A Comparative Framework» // Van der Vyver J.D. and J.Witte, eds. *Religious Human Rights in Global Perspective: Legal Perspectives*. The Hague, London, Boston: Martinus Nijhoff Publishers: 1—44.

Finke R. and R.Stark. (1988) «Religious Economies and Sacred Canopies: Religious Mobilization in American Cities, 1906» // *American Sociological Review*, vol. 53, no. 1: 41—49.

Finke R. and R.Stark. (2003) «The Dynamics of Religious Economies» // Dillon M., ed. *Handbook of the Sociology of Religion*. New York: Cambridge University Press: 96—109.

Gorokhov S.A. (2019) «The Cyclical Movement of Religions: from Unity toward... Unity» // *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no. 4: 388—395.

Hirschman A.O. (1970) *Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organization and States*. Cambridge: Harvard University Press.

Iannaccone L.R. (1997) «Rational Choice: Framework for the Scientific Study of Religion» // Young L.A., ed. *Rational Choice Theory and Religion*. New York: Routledge: 25—44.

Luckmann T. (1979) «The Structural Conditions Consciousness in Modern Society» // *Japanese Journal of Religions Studies*, vol. 6, no. 1—2: 121—137.

Mitchell T. (2017) «Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially» // *Pew Research Center*, 3.10. URL: <https://www.pewforum.org/2017/10/03/many-countries-favor-specific-religions-officially-or-unofficially/> (accessed on 14.01.2022).

Mojzes P. (1996) «Religious Human Rights in Post-Communist Balkan Countries» // Van der Vyver J.D. and J.Witte, eds. *Religious Human Rights in Global Perspective: Legal Perspectives*. The Hague, London, Boston: Martinus Nijhoff Publishers: 263—284.

Olson D.V.A. (2002) «Competing Notions of Religious Competition and Conflict in Theories of Religious Economies» // Jelen T.G., ed. *Sacred Mar-*

ket, *Sacred Canopies: Essays on Religious Markets and Religious Pluralism*. Lanham: Rowman and Littlefield: 133—167.

Stark R. and R.Finke. (2000) *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: University of California Press.

Van Dyke V. (1985) *Human Rights, Ethnicity, and Discrimination*. Westport (CN): Greenwood Press.

Zurlo G.A., T.M.Johnson, and P.F.Crossing. (2021) «World Christianity and Mission 2021: Questions about the Future» // *International Bulletin of Mission Research*, vol. 45, no. 1: 15—25. URL: https://www.researchgate.net/publication/347858758_World_Christianity_and_Mission_2021_Questions_about_the_Future (accessed on 3.06.2022).

S.A.Gorokhov, R.V.Dmitriev, M.M.Agafoshin
RELIGION AND THE STATE:
TYPES OF RELATIONS
IN THE RELIGIOUS MARKET

Stanislav A. Gorokhov — Doctor of Geography; Leading Researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Email: stgorohov@yandex.ru.

Ruslan V. Dmitriev — Ph.D. in Geography; Senior Researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Email: dmitrievrv@yandex.ru.

Maksim M. Agafoshin — Ph.D. in Geography; Senior Researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Email: agafoshinmm@gmail.com.

Abstract. The article presents the attempt of using the marketing paradigm in the analysis of state-confessional relations. Considering such relations through the prism of market structures, the authors identify three main types: religious monopoly, religious oligopoly, and religious monopolistic competition. *Religious monopoly* implies the dominance of one religion, which enjoys the full support of the state that protects it from competition from other religions. In the modern world, religious monopoly exists in two forms — closed and open, with the differences between the two lying in the degree of monopolization of the market by one of the confessions. According to the authors' conclusion, the religious monopoly imposed from above (by the state)

ultimately has a secular effect, reducing the level of participation of the population in religious activities and thereby weakening the monopoly of religion, which, in turn, can lead to the termination of state support for it. *Religious oligopoly* implies that several dominant religions or their branches that are equally supported by the state and have the same status compete in the market; the emergence of new ones is difficult (open oligopoly) or even seriously limited (closed oligopoly). *Religious monopolistic competition* is characterized by the inclusion in the process of competition not only of religions and their branches, but also religious denominations. Each of these “players” produces its own unique religious product and has relatively free access to the market of religions, which is almost not limited by the state. The proposed typology is historical in its nature, which makes it possible to predict the dynamics of state-confessional relations.

Keywords: market of religions, state-confessional relations, religious monopoly, religious oligopoly, religious monopolistic competition

References

- Bellah R.N. (1967) “Civil Religion in America” // *Daedalus*, vol. 96, no. 1: 1–21.
- Dorskaya A.A. (2011) *Rol' mezhdunarodnogo prava v regulirovanii gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenij* [The Role of International Law in Regulating State-Confessional Relations]. St Petersburg: Asterion. (In Russ.)
- Durham W.C., Jr. (1996) “Perspectives on Religious Liberty: A Comparative Framework” // Van der Vyver J.D. and J.Witte, eds. *Religious Human Rights in Global Perspective: Legal Perspectives*. The Hague, London, Boston: Martinus Nijhoff Publishers: 1–44.
- Ferrari S. (1999) “Tserkov' i gosudarstvo v Zapadnoj Evrope: ital'janskaja model'” [The Emerging Pattern of Church and State in Western Europe: The Italian Model] // Trofimchuk N.A., ed. *Mirovoj opyt gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenij* [World Experience of State-Church Relations]. Moscow: RAGS: 110–130. (In Russ.)
- Finke R. and R.Stark. (1988) “Religious Economies and Sacred Canopies: Religious Mobilization in American Cities, 1906” // *American Sociological Review*, vol. 53, no. 1: 41–49.
- Finke R. and R.Stark. (2003) “The Dynamics of Religious Economies” // Dillon M., ed. *Handbook of the Sociology of Religion*. New York: Cambridge University Press: 96–109.
- Gorokhov S.A. (2014) “Khristianstvo v sovremennom Kitaje” [Christianity in Modern China] // *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa Today], no. 12 (689): 42–46. (In Russ.)
- Gorokhov S.A. (2019) “The Cyclical Movement of Religions: from Unity toward... Unity” // *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no. 4: 388–395.

Gorokhov S.A. and R.V.Dmitriev. (2019) “Global’naja missionerskaja dejatel’nost’ khristianskikh tserkvej v 20 — nachale 21 v.: prostranstvennyj aspekt” [Global Missionary Activities of Christian Churches in the 20th and Early 21st Centuries: The Spatial Aspect] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 446: 111—117. (In Russ.)

Grigorenko A.Ju. (2000) “Tserkovno-gosudarstvennye otnoshenija v sovremennoj Rossii i problema religioznoj svobody i neterpimosti” [Church-State Relations in Modern Russia and the Problem of Religious Freedom and Intolerance] // *Vstupaja v tret’e tysjacheletie: religioznaja svoboda v pljuralisticheskom obshchestve. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii (Moskva, 23—24 marta 1999 g.)* [Entering the Third Millennium: Religious Freedom in a Pluralistic Society. Proceedings of the International Conference (Moscow, March 23—24, 1999)]. Moscow: Istochnik zhizni: 94—101. (In Russ.)

Hirschman A.O. (1970) *Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organization and States*. Cambridge: Harvard University Press.

Huntington S. (2008) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional’noj identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America’s National Identity]. Moscow: AST. (In Russ.)

Iannaccone L.R. (1997) “Rational Choice: Framework for the Scientific Study of Religion” // Young L.A., ed. *Rational Choice Theory and Religion*. New York: Routledge: 25—44.

Kaspe S.I. (2018) “Chem torguet Leviafan? Kriterii otsenki konkurentosposobnosti gosudarstv na rynkakh spasenija” [In What Does Leviathan Deal? Evaluation Criteria for States’ Competitiveness on “Salvation Markets”] // *Politeia*, no. 3 (90): 6—30. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-3\(90\)-6-30.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-3(90)-6-30.pdf) (accessed on 3.06.2022). (In Russ.)

Krugman P., R.Wells, and M.Olney. (2012) *Osnovy ekonomiks* [Essentials of Economics]. St Petersburg: Piter. (In Russ.)

Krylov A.V. (2013) “Rol’ religioznogo faktora v „Arabskoj vesne“” [The Religious Factor in the “Arab Spring”] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 4 (31): 43—51. (In Russ.)

Luckmann T. (1979) “The Structural Conditions Consciousness in Modern Society” // *Japanese Journal of Religions Studies*, vol. 6, no. 1—2: 121—137.

Mchedlova M.M. (2012) “Religioznaja i konfessional’naja identichnost’ v kontekste politicheskikh izmenenij sovremennosti” [Religious and Confessional Identity in the Context of Modern Political Changes] // Semencko I.S., ed. *Politicheskaja identichnost’ i politika identichnosti. T. 2: Identichnost’ i sotsial’no-politicheskie izmenenija v 21 veke* [Political Identity and Identity Politics. Vol. 2: Identity and Socio-Political Changes in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN: 132—154. (In Russ.)

Mitchell T. (2017) “Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially” // *Pew Research Center*, 3.10. URL: <https://www.pewforum.com>.

org/2017/10/03/many-countries-favor-specific-religions-officially-or-unofficially/ (accessed on 14.01.2022).

Mojzes P. (1996) “Religious Human Rights in Post-Communist Balkan Countries” // Van der Vyver J.D. and J.Witte, eds. *Religious Human Rights in Global Perspective: Legal Perspectives*. The Hague, London, Boston: Martinus Nijhoff Publishers: 263—284.

Morozova L.A. (1995) “Gosudarstvo i tserkov’: osobennosti vzaimootnoshenij” [State and Church: Features of the Relationship] // *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], no. 3: 86—95. (In Russ.)

Olson D.V.A. (2002) “Competing Notions of Religious Competition and Conflict in Theories of Religious Economies” // Jelen T.G., ed. *Sacred Market, Sacred Canopies: Essays on Religious Markets and Religious Pluralism*. Lanham: Rowman and Littlefield: 133—167.

Ponkin I.V. (2003) *Pravovye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya* [Legal Foundations of the Secularity of the State and Education]. Moscow: Pro-Press. (In Russ.)

Shakhov M.O. and O.S.Shutova. (2003) “Gosudarstvenno-konfessional’nye otnosheniya: analiz tipologij i „silovaja model’” [State-Confessional Relations: Typologies and the “Power Model”] // *Politeia*, no. 3 (30): 158—178. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/2003-3-2-244-158-178.pdf> (accessed on 3.06.2022). (In Russ.)

Shchipkov A.V. (1998) *Vo chto verit Rossija: Religioznye protsessy v postperestroecnoj Rossii. Kurs leksij* [What Russia Believes in: Religious Processes in Post-Perestroika Russia. Course of Lectures]. St Petersburg: RKhGI. URL: <http://www.religare.ru/download/rutrust.pdf> (accessed on 3.06.2022). (In Russ.)

Stark R. and R.Finke. (2000) *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: University of California Press.

Van Dyke V. (1985) *Human Rights, Ethnicity, and Discrimination*. Westport (CN): Greenwood Press.

Zakharov I.A. (2019) “Rol’ khristianskikh tserkvej v geoeconomiche-skom i geopoliticheskom sopernichestve evropejskikh derzhav na Afrikanskom kontinente: 20—21 vv.” [The Role of Christian Churches in the Geo-Economical and Geopolitical Rivalry of European Nations in Africa: 20th — 21st Centuries] // *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* [Journal of the Institute for African Studies], no. 4 (49): 82—93. URL: <http://africajournal.ru/wp-content/uploads/2019/12/Zakharov-Rol.pdf> (accessed on 3.06.2022). (In Russ.)

Zurlo G.A., T.M.Johnson, and P.F.Crossing. (2021) “World Christianity and Mission 2021: Questions about the Future” // *International Bulletin of Mission Research*, vol. 45, no. 1: 15—25. URL: https://www.researchgate.net/publication/347858758_World_Christianity_and_Mission_2021_Questions_about_the_Future (accessed on 3.06.2022).